

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА

УДК 1(091)

МЕХАНИЗМ ВООБРАЖЕНИЯ

В.В. Ильин

ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана» (Калужский филиал), г. Калуга

Рассматриваются вопросы теории творчества. Продуктивный мыслительный акт – не цеховая, не мануфактурная организация, но организация производительная, и, как таковая, обладает признаками, выражающими коренную природу производительной организации. Производительная организация реализует прямое назначение при наличии: двигателя, передаточного механизма, рабочей машины.

Стандартная трехзвенка в случае творческой производительной организации выглядит так:

- двигатель: воображение;
- передаточный механизм: тропное, коннотативное свидетельство;
- рабочая машина: отображение, преобразование образно-эйдетических символических групп.

Ключевые слова: *воображение, тропный синтез, мыслительная репрезентация.*

Воображение как техника ассоциативного сочетания, комбинирования элементов не созерцания (визуальный коллаж), а схем представления (концепционный коллаж) без непосредственного обращения к предметности – достаточно свободное, раскрепощенное, но все-таки регуляризованное мероприятие. Образование вполне произвольных композиций подчиняется нестрогим предписаниям, отражающим закономерности, постоянное соотношение приводимых в связь явлений. Указанные предписания суть правила порождения идеальных образов (возникающих без видимых внешних причин) по смежности, сходству, контрасту, сопутствованию, уподоблению и т. п., любой непредставленной в поле перцепции атрибуции, инкорпорирующей расцениваемые сущности в смысловые системы.

Расставим акценты.

(1) Следует различать сознание и содержание сознания. Вопреки Джемсу (не проводившему соответствующую дистинкцию) сознание и мысль не соположны. Поток сознания не приравнивается к мысленному потоку. В тематизации воображения упор делается на мыслезначимые разряды состояний сознания. Воображение есть напряжение потока мыслей.

(2) Воображение опирается на пред–данные знания об упорядочении, порядке: Платон, Аристотель в данной связи упоминали соразмерность, симметрию, красоту, определенность. С гносеологической точки

зрения предпосылочные опосредствования подобного рода содержательно не оформлены, формально не кодифицированы.

(3) Фигуры смыслового упорядочения по воображительным техникам не только не предмет логики, но и идеации, они не выступают объектом «всеобщего созерцания».

(4) Вообразительные созерцания не идеационны, они эйдетичны: концентрируются на обозрении–схватывании умо–постигаемого.

(5) Воображение захватывает; оно есть состояние наваждения, «высшая степень подверженности наитию» (Цветаева), и «управа» с наитием. Управа через созидание новой сути в новой форме. В качестве инновационного ресурса воображение противопоставляется как неоригинальности, так и формальности. Воображение тематизируется в языке концептов «взрыв» (ср.: «культура и взрыв»), «взлом», нетерпимых к «общим», «типовым», «расхожим» местам.

Дабы сложиться и состояться, воображение как способность души должно:

– отвечать требованиям предметно-признаковой ситуации, относительно которой и демонстрировать импровизационные возможности;

– отвечать законам отображения – сопоставлениям элементам множества X элементов у множества Y , по которым вводятся образы области значений. Используя платоновско-аристотелевские идеи порядка для вообразительной процедуры, законы упорядочивающих отображений в частном случае уместно связывать с законами симметрических отображений, снабженных фиксированными отношениями эквивалентности, определяемыми группами преобразований. (Мы говорим «в частности», поскольку законы уподобления менее строги, нежели законы преобразований симметрии; последние эксплуатируют соотношение признаков форм, сохраняющих инвариантность при преобразованиях.)

Предметность конституирует субстанциальные предпосылочные рамочные кондиции вообразительных актов, что через сцепку с какой-то онтологией позволяет им проецироваться на фрагменты сущего, тем самым не покидать почвы реальности (воображение – не вздорные отвязные бредни). Отообразительная преобразовательность конституирует людические кондиции вообразительных актов, что, ослабляя сцепку с исходной онтологией, позволяет им превосходить (в творчестве) почву реальности.

Мотор воображения – людические эвристические упражнения. Констатация этого вполне достаточна для экспликации механизма, т.е. системы, устройства, определяющих порядок такого вида продуктивной деятельности, как воображение.

Людическое начало – свобода, произвол, импровизация, раскрепощение – привносит элемент креативности, позволяет созидать. Созидать в исполнении, произведении, сочинении, измышлении. Продукты

воображения по этой причине – продукты fiction– намеренные, нарочитые создания, не соответствующие действительности и используемые с какими-то наперед заданными целями.

В гносеологической редакции они (продукты)

– генеалогически – имитации: вариации выдумывания, придумывания, изобретения, подделки под что-то;

– функционально – иллюзии: вариации небывальщины, нелепицы, кажимости, несбыточности, мечтательности, видимости;

– статусно – презентации: вариации представительных техник (сбивка – перебивка, лицовка – перелицовка), нацеленных на получение в качестве готовой продукции аранжировки, транскрипции, фантазии, парафразы.

В онтологической редакции они (продукты)

– диахронически – диверсификации: активации модификации, мультипликации, трансформации сущего, метаболического метаморфоза, волюнтарной фабрикации обстоятельств;

– синхронически – дереализации: активации посессива, ирреалиса, модусов условности *als ob, de dicto*;

– субстанциально – деэссенциализации: активации полифундаментальности, окказиональности, квазиатрибутивности с привкусом эксцентрики – моделирование реалий через заостренно – умышленное нарушение логики, последовательности, взаимозависимости явлений.

Необходимость ломает, но не творит закон. Воображение катализирует законотворение. Катализирует созданием, освоением возможного; стихия воображения – стихия возможного.

Перевод рассмотрения в плоскость «что будет, если...» (детское «понарошку»), феноменологически содержит все признаки волюнтарного подхода; сущностно же введением допустимого аналитически расширяет трактовку существования, обслуживанием потенции увеличивает сектор обзора, позволяет рассуждать о том, что может проявиться при известных условиях. «Волюнтарность», «произвольность» в контексте сюжетики «воображение» характеризуют не «тривиальную басшабашность», «порочную склонность к противоестественной, насильственной деформации *modus percipiendi*», а «модельность», «панорамность» – предпосылки последовательного выполнения ищущей мыслью своего призвания – всестороннего исследования.

И если гиперболизация признакового состава бытия поддерживает благородный прорыв (вспомним – «взрыв», «взлом»), то как говорил Менандр, *aliquando et insanire jucundum est*.

Присмотримся к культовым легендам в эссеистике и эссенциалистике. По заветной вообразительной формуле «что будет, если...» («будем считать, что...») оживают тени слова, тени мысли – мнимые лица, мнимые истины; производится соединение гротеска и трагедии, смеш-

ного и печального (беллетристика), необходимого и случайного, вероятного и невероятного (теория).

Возможное как (как бы) действительное; потенциальное (als ob) реальное; сближение желаемого с действительным, несбыточного с возможным – нерв мечтающего воображения.

В романе А. Белого «Серебряный голубь» многие приняли секту голубей за хлыстов. Автор проясняет: «Согласен, что есть в этой секте признаки, роднящие ее с хлыстовством, но хлыстовство, как один из ферментов религиозного брожения, не адекватно существующим кристаллизованным формам у хлыстов; оно – в процессе развития, и в этом смысле голубей, изображенных мной, как секты, не существует; но они – возможны (! – В.И.) со всеми своими безумными уклонами, в этом смысле голуби мои вполне реальны (! – В.И.)» [2, с. 19].

Sic: многозначительный модалный перебой: возможное под фирмой реального. Подобное нарушение ритма стандартного мыслетока культивирует площадку модельного испытания идеи (мятежного замысла). И в эстеме, и в нозме, и в художественном, и в научном опыте. Рассмотрим лишь два сопряженных эпизода в фиксунктах «романистика» и «наука».

Эпизод 1: анекдотический персонаж павловской эпохи – подпоручик Кижэ в личине удобного модельного образа – двойника, – растиражированный в литературе (Гоголь, По, Шамиссо, Андерсен, Достоевский, Стивенсон, Евг. Шварц и др.), – нереальное лицо, стечением обстоятельств наделенное реальностью. Из ошибки писаря возникло имя, из имени – человек, «существование которого обусловлено всеобщим страхом, не позволяющим исправить ошибку» [5, с. 11]. Плевое дело, принявшее очертания масштабной драмы: приказ адъютанта «считать подпоручика Кижэ в живых» не пустая, бессмысленная фраза. В машине павловского государства достаточно описки, чтобы из нее вышла тень, которая занимает все большее место в сознании, распоряжаясь судьбами беспрекословно послушных мертвому ритуалу людей» [там же, с. 11].

Отвалилось колесо – пошла плясать губерния. Плясать нездоровой, ненормальной, злокозненной виттовой пляской...

Дело не в иллюзии мысли. Дело в правде жизни. Перевод развития интриги из реалиса в ирреалис, из позитива в посессив оттеняет генеральное понятие «мнимой истины», объемлющей государство. Из незаметного происшествия вырастает жизненная, историческая катастрофа. Отсутствующий характер героя высвечивает присутствующий характер социума.

Эпизод 2: обобщение понятия «действительное число» (любое положительное, отрицательное, «0») с получением понятия «комплексное число» – вида $z=x + iy$, где x, y – действительные числа; $i=\sqrt{-1}$ – мнимая единица. Действительные числа – частный случай комплексных чисел при $y=0$; комплексные числа недействительные при $y\neq 0$. Расши-

рение концепта «число» легализацией мнимого числа $x + iy$, где i – мнимая единица, – плод синтетического продуктивного приема, развертывающегося как модельное рассмотрение в кондицалисе «что, если...».

Легитимизирующая «стандартная» позиция не допускает реальности числа, квадрат которого равен «-1». Реальность такого числа допускает «нестандартная» позиция, иницирующая перевод рассуждения из «действительного» в «возможное». Подмена реалиса кондицалисом (на деле ирреалисом) обслуживает интеллектуальный прорыв обновлением концепта «числовая реальность», за которым – новый онтологический горизонт, нетрадиционная вариация сущего.

Метафорика раскрепощает мысль, воображительная эвристика узаконивает возможности. По сути сам творческий процесс можно понять как перманентное создание – созидание символических условно-потенциальных, реально-нереальных допустимостей с акцентом виртуального метаболического метаморфоза, утрированием кондицалиса.

... Наугад открытая книга Бунина. Зарисовка «Далекое». Вчитываемся: «Давным-давно, тысячу лет тому назад (! – В.И.), жил да был вместе со мной (? – В.И.) на Арбате (?! – В.И.) ...». Естественное импульсивное стремление – закрыть книгу, огородиться от заботы вникать в бредни – блокируется рамочным апперцепирующим сдерживанием: имеешь дело с классикой, востребующей бережного, вдумчивого к себе отношения. В такой установке лобовые квалификации отходят на задник, выискивается скрытый не прямой смысл, за которым – тропный метаболический метаморфоз, онтологический посессив, кондицалис. Экзистенциальное разукрупнение «далекого» спрессовывает время (ср. с дискретными группами СРТ преобразований, утрирующими зеркальную симметрию пространства, симметрию инверсии времени и зарядового сопряжения, чему соответствуют законы сохранения пространственной, временной, зарядовой четности, нарушаемые лишь слабыми взаимодействиями), преобразует объективные события «некогда» в заинтересованные субъективные события-воспоминания «сейчас» о далеком-близком (онтологический оксюморон), что навсегда сохранилось в том сладком и горьком (судьбический оксюморон) сне прошлого, которым до могилы живет душа...

Ресурсом освобождающего от покровов реальности символического трансформизма (метафорический метаболический метаморфоз, перетекание реалиса в ирреалис, акцентировка кондицалиса) осмысливается весь (!) гуманитарный – надинстинктивный, сверхрефлексный опыт.

... Чем завершается бунинский роман «Жизнь Арсеньева»? Самоотчетом о сне (ср.: инцестуозные трактовки сновидений примитивным психоанализом): «Недавно я видел ее во сне – единственный раз за всю свою долгую жизнь без нее. Ей было столько же лет, как тогда, в пору нашей общей жизни и общей молодости... Я видел ее смутно, но с такой

силой любви, радости, с такой телесной и душевной близостью, которой не испытывал ни к кому никогда». Самоотчетом, подчеркивающим победу жизни над смертью, чувства над временем. В реалесе – невообразимое. В ирреалесе – воображаемое. В символическом опыте забвение, смерть отступают. Отступают перед силой любви, благоговением перед силой, раздольем жизни.

Рабочий режим воображения – интеллектуальный просмотр возможностей – поддерживается в передаточном механизме техниками спонтанного изменения мира, фантазмагорических метаморфоз. Не в реалесе (удвоение – раздвоение действительности в паранойе), а в ввергающем в кондициалис тропном сочленении материала мысли, материала речи.

Как говорил Бунин, не важен предмет очарования, важна жажда быть очарованным. Под эгидой такой редакции мы попадаем в область не выраженных, но выражаемых оттенков. Программой творчества становится мечта.

Прокладку новых путей отнюдь не случайными поворотами мысли обслуживают достаточно отработанные приемы – известные способы:

– в художественной сфере – провокации, наваждения, алхимические превращения-подмены (вся и всякая романистика; в качестве концентрата – Достоевский «Бесы», Белый «Петербург»);

– в научной сфере – мысленное экспериментирование, моделирование, экстраполяция, репрезентация (все и всякое развитое теоретическое знание; в качестве концентрата – модель Оппенгеймера – Снайдера, демонстрирующая возможность черных дыр, сингулярности – точечной безразмерной массы).

Указанные приемы-способы получают функциональное, динамическое уточнение.

Функциональный план: предпосылочные апперцепирующие рамки толкования.

Художественный опыт: палитра конфигураций:

– хроногеометрия: разбивки «центр – периферия»; «время – вперед» – «утраченное время»;

– онтология: объемное – плоское; тайное – явное; небо – земля; природа – душа;

– аксиология: подлинное – неподлинное; ясное – туманное;

– антропология: филантропия – мизантропия; оптимизм – пессимизм; стихия – лицо;

– праксиология: рукотворное – нерукотворное. Etc.

Научный опыт: палитра конфигураций:

– хроногеометрия: вариативность подходов, интегрируемых идей неоднородного многообразия риманова типа с метрикой $dx^2+dy^2+dz^2-(cdt)^2$; прерывное (дискретное) – непрерывное (контину-

альное); конечное – бесконечное; ограниченное – безграничное; обратимое – необратимое;

– онтология: плотности поля, вещества, энергии;

– аксиология: фундаментальное – прикладное;

– антропология: механическое – органическое; физиологическое – символическое;

– праксиология: естественное – искусственное. Etc.

Человеческая мыслительная организация в части соответствия художественных и научных занятий по тропному коннотативному оформлению когний – едина. В качестве иллюстрации трудно удержаться от проведения очевидной параллели контента романа Приста «Опрокинутый мир» и современной космологии. В последней, переплетающей (!) идеи глобального (астрофизика) и локального (квантовая механика), обсуждается модель бесконечно (в одной системе отсчета) – конечного (в другой системе отсчета) пространственного многообразия (см.: [4]).

Концептуальный оксюморон – тропообразное коннотативное свидетельствование мысли – поддерживается беллетристической (столь же «нелепой») конструкцией конечной вселенной, заполненной бесконечно большими телами.

Ментальный контур научного и художественного подхода абсолютно гомологичен; он суть контур символического репрезентирования, выстраиваемого в позиции внутренней свободы, предопределяющей соскальзывание в воображаемые «бессмысленные» (в макроскопическом реалье) слои кондиционалиса, посессива.

Сказанное оттеняет перевод рассуждения в план динамический.

Динамический план: предпосылочные апперцепирующие рамы действия.

Художественный опыт: палитра конфигураций:

– исполнение: аллитерации, ассонансы, консонансы (повторы, пульсации, параллелизмы);

– выражение: мелодика, инструментовка;

– понимание: аккомпанирование внешней формой идейного содержания.

Форма оправдывает содержание. Мысль обрастает образами, прорастает в них, вырастает из них. Образ и отображенное различны, но проницаемы. Строй репрезентации сцеплен с тенденциозностью мировосприятия (не наоборот, как в наивно-реалистической теории отражения), что понуждает (если не сказать сильнее) такие ответственные творческие решения, как подбор эпитетов, выбор колорита, отбор элементов внешнего мира, – все то, что именуется художественной мимикрией.

Обратимся к Белому: «Интересно. Согласно статистике, небо Пушкина – небосвод; пламенная твердь – у Тютчева; пушкинское ноч-

ное светило есть начало тревожное, женское; оно – луна в облаках; миротворец месяц – у Тютчева; чаще он – золотой; никогда не бывает серпом; месяц Блока – серебряный серп» [2, с. 287].

Метафорическая семантика поддерживается ритмическим строем, пульсацией внутренней рифмы [там же, с. 294]

Запевающий сон, зацветающий цвет,
Исчезающий день, погасающий свет
(Блок);

– звуковой группой ассонансов:

Смолили тяжелые челны
Река, распевая, несла (а – а – а)
И синие льдины, и волны, (и – и – о)
И тонкий обломок весла (о – о – о)
(Блок);

– аллитерацией:

Облака небывалой улады (бл–бл– л)
(Блок).

Аллитерация, подчеркивающая звуковой облик слова, уточняет смысл стихотворной строки: у Блока – при изображении кашля старика: «где-то каплет с крыши... где-то кашель старика» (г– ка – к – г – ка – ка)» [там же, с. 295].

Не менее интересно: «Любимая аллитерационная группа поэзии Баратынского на «пр»; «прп»... Что в ней «п»? Что в ней «р»? «П» выражает.. плотность, косность материи... «Р» характеризует динамику духа, стремящегося разорвать эту плотность: «р» рвет материя; и «пр» есть живописание звуком слова прорыва природы» [там же, с. 296] (ср.: хлебниковские рефлексивные штудии по семантизации литер).

Рычаг тропа – рычаг сближения, уподобления, трансляции, что в когнитивном измерении обозначает выпускание смыслового ростка. Символическое соположение слов, понятий, образов обслуживает символическое рождение смысловых форм, в воображительном – эфемерном – плане раскручивающих концепционное миропредставительство. Законы последнего – вдохновенные (некаузальные) законотворения возможного (самого невероятного – «антимир») суть законы коннотативного мыследействования.

Символическая модельная логика – логика не предметов, но уподобления (как поэзия – логика не предмета, а сравнения). Метафора – особые «волшебные (ирреалис!) очки» (Вл. Новиков), выставляющие мир в специфической оптике. Обобщенно: в оптике небуквальности, условности, признаковой смещенности, предчувственности (чувство – смелее мысли, вторгается в те пределы, о которых «страшно подумать»), стимулирующих обновление способов мышления отслеживанием иллюзорного приближающих понимание реального.

Мы полагаем неуместным ввязываться в дискуссию «эстетическая активность слова», мы обостряем проблему потенциальной онтологии, развертываемой тропообразной коннотативной репрезентацией реалий. Репрезентацией через слова, которые вовлечены в герменевтическую деятельность и принадлежат ей.

Слова, фигуры слова имплицитно рисуют картину мира, миропонимание. Лексис смыкается с логосом в части признаково-предметной характеристики. В художественном опыте акцентуируется эстетическая образность, в научном опыте – ноэтическая понятийность.

Рельефный пример развернутой метафоры в технике созидания художественной образности – блоковское «Второе крещение», которое учит, для чего и как требуется «сочинять ложь» (Аристотель), – образ-возможное. Сконцентрируем внимание лишь на 1, 4, 5-м четверостишиях:

Открыли дверь мою метели,
Застыла горница моя,
И в новой снеговой купели
Крещен вторым крещеньем я.

...

И гордость нового крещенья
Мне сердце обратила в лед.
Ты мне сулишь еще мгновенья?
Пророчишь, что весна придет?
Но посмотри, как сердце радо!
Заграждена снегами твердь.
Весны не будет, и не надо:
Крещеньем третьим будет – Смерть.

Художественное мышление организуется триптихом

- (1) субъект (S) – вдохновенная (вдохновляемая), воодушевленная (воодушевляемая) постигающая инстанция;
- (2) медиатор (M) – символ: иносказание, позволяющее мысли «совершаться в слове» (Выготский);
- (3) образ-объект (O–O): выставляемая в кондиционале (под фирмой тропа) реалья, в своем объективном облике выступающая для S сущим (существующим) и сущим (самым настоящим) провокатором.

Схематически: S – M – O–O

Таков принцип заявления, проявления символического в человеческом – изображать возможное «по вероятности или по необходимости» [1, с. 67]. Изображать смысловым переносом – тропным уподоблением, позволяющим «безличное воочеловечить» (Блок) и по законам воочеловечения упорядочить – рефлексивно гармонизировать.

Субстанция «Русь»... Как ее выразить?

В доктринальном языке – нозматической, в поэтическом языке – эстетической аллегоризацией. В последнем Русь – тройка (Гоголь), птица (Есенин), простор и грусть (Сологуб), родник (Северянин), «громкая держава» (Ходасевич), мессия грядущего дня (Белый), «лес, да поле, да плат узорный до бровей» (Блок) и т. д. Как действует поэт? Преодолевает хаос впечатлений регулирующим внедрением тропа. Взять хрестоматийное есенинское:

О Русь, малиновое поле

И синь, упавшая в реку.

Комбинирование метафорами (эпитет, метонимия, синекдоха) связывает субстанциальные присутствия «страна», «поле», «синь» – вещи, абсолютно различные. Как связывает? В подрыве закона тождества – символической партиципацией, тропной детерминацией, сближающей объект «Русь» с образом объекта, генерацией дублета объект – образ – метафорическая конфигурация

Русь – малиновое поле

И...

Имея в виду инфляцию комментариев, переключим внимание на не менее рельефный пример развернутой метафоры в технике созидания научной образности. Присмотримся к довольно типической ситуации: физический объект замещается принципом пространственно-временного представления объекта (ср: поэзия – не предмет, а сравнение). А именно: отсутствие понятия существа гравитации как природного поля (фундаментального взаимодействия) инициирует производство тропной картины тяготения под видом («как!» – эпитет, метонимия, синекдоха) хроногеометрической модели.

Физические силы предстают геометрическими отношениями; – принцип относительности экстраполируется на неинерциальные системы, получающие свидетельство в гауссовой сетке координат; производится пространственно-временная реификация.

Насколько природоведчески состоятельна подобная метафорическая процедура? – вопрос, находящийся в компетенции положительных исследований. Гносеологическое рассмотрение сосредоточивается на аппарате – нашей ментальной способности фиксировать предметное положение дел. В таком курсе видения просматривается необходимость прояснить самый статус хроногеометрии: может ли быть способ описания компонентом реальности?

Характер вопрошания не оставляет сомнений: подобная постановка навеивает однозначный и притом отрицательный ответ – пространство – время и гравитация, принадлежа разным разрядам реальности, непосредственно между собой не связаны. Поскольку физика – не лирика (где метафора связывает в образе любые (!) сколь угодно далеко отстоящие друг от друга вещи:

Мой кот, как радиоприемник,
Зеленым глазом ловит мир.
(Вознесенский),

сцепка онтологических отстраненностей производится антропоморфизацией – утрированием сравнительных антропно значимых отношений, – в данном случае «кот» с «радиоприемником» соединяются предикативным компаративным медиатором («зеленый глаз»), стандартная техника тропообразного связывания не может расцениваться здесь как *dulce et utile*.

Отсюда – концептуально оппонирующая ОТО альтернатива в лице РТГ, надстраиваемой над идеалом приоритетности освоения естествознанием физических, а не математических сущностей.

Подспудная полемика вокруг основательности метафорической редукции в науке этим не завершается. Адепты платформы физики как математики (геометрии) разыгрывают карту взаимосвязи неких фундаментальных свойств пространства – времени (сохраняющих инвариантность относительно преобразований) с законами сохранения (идея Клейна, продемонстрировавшего, что всякая геометрия суть теория инвариантов некоторой группы преобразований – пафос Эрлангенской программы). Позитивное развитие мысли Клейна приобрели в деятельности Нетер, сформулировавшей две теоремы.

1. «Если интеграл J инвариантен по отношению к некоторой группе G_r , то r линейно независимых лагранжевых выражений обращаются в дивергенции и, обратно, из последнего условия вытекает инвариантность J по отношению к некоторой группе G_r . Теорема сохраняет справедливость и в предельном случае бесконечного числа параметров» [6, с. 613].

2. «Если интеграл J инвариантен по отношению к группе $G_{\infty r}$, в которой встречаются производные до σ -го порядка, то имеет место r тождественных соотношений между лагранжевыми выражениями и их производными до σ -го порядка; здесь так же возможно обращение.

Для смешанных групп сохраняют силу обе теоремы. Следовательно, имеются как зависимые, так и независимые соотношения дивергенции» [там же, с. 613].

Выделим нужное. Приведение в связь, взаимообусловливание математического формального отношения «симметрия» с физическим содержательным отношением «сохранение» позволяет устанавливать предметное значение формальных (формульных) величин, решать капитальную природоведческую проблему денотации (интерпретация, верификация, реификация, субстантивация, операционализация) формализмов. В.П. Визгин подчеркивает: «Если обнаруживается некоторая новая симметрия системы, физический смысл и степень универсальности которой не вполне... определены... теоремы Нетер позволяют найти соответствующие этим симметриям новые законы сохранения. Последние не

только могут способствовать выявлению физического значения найденной симметрии, но и быть экспериментально проверены» [3, с. 13].

Иначе говоря (чисто технически), если лагранжевы выражения вариационной задачи свести к «О», то p параметров (1) теоремы Нетер трансформируются в p локальных законов сохранения.

Мораль: инвариантность преобразований координат обуславливает ковариантный закон сохранения тензора энергии – импульса – того тензора, который «является источником в уравнениях гравитационного поля» [7, с. 179].

Итак, теоремы Нетер подводят под геометрию физику, связывают хроногеометрию с фундаментальным взаимодействием. Вопрос исчерпан? Не в полной мере. Остается подспудная неудовлетворенность отсутствием генерального решения согласованности геометрического и физического истолкования пространственно-временных отношений.

Геометрический подход эксплуатирует соображение континуальности (непрерывности): базовая аксиома непрерывности в формулировках Евдокса, Архимеда, Евклида (его алгоритм), Дедекинда, Вейерштрасса, Кантора. Тогда как физический подход – соображение дискретности (прерывности): постулативные требования выполнения принципа причинности в малом – аксиомы условий микропричинности в предельных пространственных $L_0 \approx 10^{-33}$ см и временных $T_0 \approx 10^{-44}$ с интервалах.

Внутри математики антагонизм «непрерывное» (геометрия) – «прерывное (арифметика) породил затруднение «несоизмеримость» (кризис математики в античности), снятое теорией иррациональных чисел в конце XIX в. Однако же универсального механизма блокирования антиномии «прерывное – непрерывное» не выработано. Из чего следует: деление на физику и геометрию не снимается спасительным триумvirатом пространство – время – гравитация теоремы Нетер; индуцированное кардинальными механизмами организации самой структуры мироздания, оно взывает для своего оправдания (принятия – непринятия) каких-то пока нам неведомых (но явно более солидных, нежели наличные) эвристических рефлексивных решений. (Хорошая перспектива – синтез ОТО с квантовой механикой, позволяющий развернуть дискретные модели континуального – искривленного пространства – времени).

Список литературы

1. Аристотель. Поэтика. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 184 с.
2. Белый А. Избранная проза. М.: Советская Россия, 1988. 464 с.
3. Визгин В.П. Развитие взаимосвязи принципов инвариантности с законами сохранения в классической физике. М.: Наука, 1972. 240 с.

4. Зельманов А.Л. Многообразие материального мира и проблема бесконечности // Бесконечность и Вселенная. М.: Мысль, 1969. С. 274–324.
5. Каверин В.А. Предисловие // Тынянов Ю. Кюхля. Рассказы. М.: Правда, 1981. 560 с.
6. Нетер Э. Инвариантные вариационные задачи // Вариационные принципы механики: сб. ст. М.: Физматгиз, 1959. С. 611–630.
7. Философские проблемы оснований физико-математического знания. Киев: Наукова думка, 1989. 231 с.

THE IMAGINATION MECHANISM

V.V. Ilyin

MGTU named after N.E. Bauman (Kaluga branch), Kaluga

The article is focused on the basic issues of creativity theory. The productive act of thinking should not be conceived as a guild or a manufacturing organization, but rather as a productive organization expressing the fundamental nature of this kind of process. Any productive organization should consist of an engine, a transmission mechanism, and a working machine.

Standard three-part structure in the case of creative productive organization looks like this:

- engine: imagination;
- transfer mechanism: tropic, connotative testimony;
- working machine: display, transformation of imaginary-eidetic symbolic groups.

Keywords: *imagination, tropic synthesis, mental representation.*

Об авторе:

Ильин Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Истории и философии ГБОУ ВПО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана», (Калужский филиал), Калуга. E-mail: vvilin@yandex.ru

Author Information:

ILYIN Viktor Vasilievich – Ph.D., Prof., Head of the Department of History and philosophy of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (Kaluga branch), Kaluga. E-mail: vvilin@yandex.ru